

А.П.Чудинов
Екатеринбург

Национальная ментальность и метафорическое моделирование политических событий

В последнее десятилетие неоднократно обнаруживалось, что народы России и Соединенных Штатов применяли метанормативные критерии «справедливой войны» [Апресян 2002] по отношению к разным сторонам, участвовавшим в локальных вооруженных конфликтах. Это трагическое непонимание позиций друг друга наиболее ярко выразилось при оценке боевых действий в Югославии, Ираке и Чечне. Примером может служить такой факт: абсолютное большинство граждан и все крупные политические партии России осуждали *кровавый антисербский террор албанских сепаратистов в Косово и варварские бомбардировки мирных городов Югославии*. А вот в большинстве европейских стран и в Соединенных Штатах общественное мнение было на стороне *жертвы режима Милошевича — свободолюбивого албанского народа, которому оказали помощь доблестные войска НАТО*. Очевидно, что обычный человек не в состоянии объективно разобраться в причинах межнациональных конфликтов. Ему «помогают» в этом профессиональные политики и журналисты. А одна из задач когнитивной лингвистики — выявить пути воздействия на общественное мнение, способы концептуализации и переконцептуализации политической действительности в национальном сознании [Паршин 2001; Чудинов 2003]. Исследование факторов, воздействующих на общественное мнение той или страны, — проблема многоаспектная. Один из важных путей ее решения — это когнитивное изучение способов метафорического оправдания (или осуждения) войны, то есть способов образного объяснения того, почему данные боевые действия с моральной точки зрения необходимы и законны или же, наоборот, аморальны и незаконны. Такое исследование должно быть проведено с учетом общей роли метафор в политическом дискурсе России и Соединенных Штатов.

В современном политическом дискурсе метафора стала мощным средством концептуального воздействия на общество. Например, в когнитивном исследовании Дж. Лакоффа [Lakoff 1991] показано, как правительство США и поддерживающие его

средства массовой информации при помощи специальной системы концептуальных метафор внедряли в сознание американского народа (и всего мирового сообщества) мысль о том, что военные действия Соединенных Штатов против режима Саддама Хусейна в Ираке этически безупречны. Основным аргумент — это борьба против кровавого тирана, совершившего неспровоцированный акт агрессии против народа Кувейта. В этой же публикации рассматриваются метафорические аргументы, используемые в Ираке для осуждения вмешательства США во внутренние дела арабских стран и помощи тоталитарному режиму в Кувейте. Для арабов отношения между Ираком и Кувейтом — это внутрисемейные отношения между братьями, которые в какой-то ситуации могут поссориться, но не имеют права призывать в такой ситуации посторонних в качестве защитника или судьи. К тому же Ирак — это старший брат, который по арабским традициям имеет полное право требовать послушания от младшего. Для арабов Америка — это чужестранец (и к тому же иноверец), пытающийся вмешаться во внутрисемейные отношения арабов. Для американских лидеров отношения между Кувейтом и Ираком — это отношения между наглым разбойником и мирным обывателем, которому, к счастью, приходит на помощь его старый надежный друг — доблестный полицейский. Как отмечает Дж. Лакофф [Lakoff, 1991], взаимное непонимание между американцами и арабами во время первой войны в Персидском заливе во многом объясняется различной ролью ряда концептуальных метафор в национальном сознании. Используемые американскими политиками для оправдания своих действий метафорические образы оказались убедительными для большинства европейцев и американцев, но на жителей Ближнего Востока большее впечатление производили метафоры сторонников Саддама Хусейна.

К не менее интересным и важным результатам могло бы привести сопоставление метафорического моделирования балканских событий в российском и американском политическом дискурсе. Оказывается, что и американская, и российская системы представления событий в Югославии вполне соответствуют рассмотренной Дж. Лакоффом метафорической схеме «*Злодей — Жертва — Доблестный спаситель*». Но *Злодей* и *Жертва* в по-

литическом дискурсе США и России меняются местами: для американцев *Злодеи* — сербы, а *Невинная жертва* — албанцы; а в освещении российской прессы все наоборот: *Злодеи* — албанцы, а *Невинная жертва* — сербы. Соответственно в роли *Доблестного спасителя* в европейской и американской метафорической картине мира выступали войска НАТО, тогда как в представлении наших политиков и большинства журналистов эту роль должны были сыграть российские воины. Похоже, что российский взгляд на распределение ролей оказался под сильным влиянием метафоры родства: наши братья по крови и религии, конечно, больше подходят на роль жертвы, чем на роль злодея. Скорее всего, реальность не соответствует ни той, ни другой схеме: обе конфликтующие стороны были одновременно и жертвой, и злодеем, а натовские генералы, возможно, думали о демонстрации своей мощи больше, чем о спасении невинной жертвы.

Показательно, что при характеристике положения дел в Югославии российские средства массовой информации постоянно использовали концептуальную метафору **РУССКИЕ И СЕРБЫ — БРАТЬЯ**. Как известно, использование метафоры родства — мощное средство переконцептуализации политической картины мира. Вместо общепризнанных в цивилизованном мире принципов межгосударственных отношений (невмешательство во внутренние дела, выполнение решений международных организаций, уважение прав человека и др.) к отношениям между Россией и Югославией метафорически применяется модель внутрисемейных отношений. А эти отношения регулируются не столько законами, сколько традиционными представлениями о том, как должны поступать родственники в тех или иных ситуациях. Все члены семьи — это «свои», и при необходимости они должны совместно противостоять «чужим»; в соответствии с семейной этикой на защиту «своего» надо становиться вне зависимости от того, прав он или нет; «своим» надо помогать бескорыстно, не задумываясь при этом о материальных издержках и взаимоотношениях с «чужими».

Удивляет сам способ метафорического выявления «братьев». По используемой логике, сербы — это наши братья, потому что все мы славяне. И Россия просто обязана им помогать. А вот

католики-хорваты и мусульмане-боснийцы для нас уже не совсем братья, во всяком случае, менее близкие родственники, чем православные сербы. Иначе говоря, при выявлении «братьев» используется еще и конфессиональный критерий. При этом как бы забывается, что в России живут не только славяне и не только православные. Например, российским татарам-мусульманам братья по вере скорее боснийцы и албанцы. А у татар-атеистов на раздираемых религиозными войнами Балканах вообще нет близких родственников.

При оценке роли рассматриваемой модели следует учитывать, что метафора родства — одна из наиболее традиционных для российского политического дискурса. В соответствии с этой моделью отношения между государством и гражданами, между лидером страны (царем, президентом, генеральным секретарем и др.) и народом концептуально представляются как отношения в семье, члены которой ощущают кровную связь между собой и душевную привязанность друг к другу. Точно так же представляются отношения между славянскими странами и между православными народами. Эти метафоры, по существу, неистребимы в российском сознании. Метафора родства широко использовалась еще в политической коммуникации Российской империи (*Россия — это мать, Москва-матушка, царь-батюшка, императрица-матушка*, соответственно подданные — это *дети, «возлюбленные чада», все славяне — братья, православные народы тоже братья*).

В советскую эпоху рассматриваемая модель была приведена в соответствие с новыми идеологическими потребностями. Так, место братьев по вере и крови (православных и славянских народов) заняли «братья по классу» (пролетарии всех стран) и идеологии. Обновился и круг народов, состоящих в близкородственных связях: в популярной песне середины прошлого века ведущую роль играла метафора «русский с китайцем — братья навек». В число наших братьев были включены также вьетнамцы, монголы, индонезийцы, некоторые арабы и негры из Ганы. Одновременно были обнаружены и другие родственные связи: как сформулировал В. В. Маяковский, «Партия и Ленин — близнецы-братья». В других случаях Ленин предстал уже как *дедушка*, а юные пионеры назывались его *внуками*. Сталин по-

стоянно именовался *отцом народов*, тогда как Горбачев оказался *отцом* только «перестройки» (и одновременно ее *прорабом*), а Ельцин – просто *дедушкой и главой семьи*, которую называли мафиозной.

Каждый новый этап развития политического дискурса привносит изменения в закономерности развертывания рассматриваемой модели. Ведущая концептуальная метафора времен Л. И. Брежнева — это большая *семья братских народов* (а также *братских партий*), каждый рядовой (и не только рядовой) член которой испытывает *сыновьи* чувства в ответ на *отеческую* (и одновременно *материнскую*, одним словом, *родительскую*) заботу Коммунистической партии и Советского правительства. В последнее десятилетие XX века оппозиция много говорила о том, что государством управляет некая «семья», главой которой является сам президент. Одновременно крестные отцы, паханы, братки, семьи и кланы обнаружались и в среде политиков. В результате традиционная метафора родства объединялась с криминальной метафорой, которая тоже имеет в нашей стране многовековую историю.

В современных текстах встречается и метафорическое использование лексики родства в соответствии с традиционными моделями. Так, один из постоянных аргументов противников продажи земли состоит в том, что «Земля — мать, а мать про-
давать нельзя». Ср. также:

Мы все говорим, что после матери вторая мать — деревня (Н. Харитонов); Мы (русские, украинцы и белорусы) были непобедимы, когда были вместе. У нас общие корни, мы — единая семья (В. Путин).

Кстати, обратим внимание: наш президент в данном случае включил в «единую» семью только восточнославянские народы.

Значительное место в современной российской политической метафоре занимает образное представление союза страны и ее официального лидера. Президентские выборы могут метафорически обозначаться как *обручение*, последующий период — как *предсвадебный*, вновь избранный президент и страна — как *жених и невеста*, инаугурация — как *вступление в брак*, а первые сто дней после нее — как *медовый месяц*. Предложение занять важ-

ный государственный пост в нашей стране нередко называется *сватанье* (*сватовство*).

Для американского политического дискурса метафора родства мало характерна, а поэтому российские метафорические аргументы не производят должного впечатления в США. Для американцев гипотетическое и даже вполне реальное кровное родство — это не причина для оказания материальной и тем более военной помощи. Как показал Дж. Лакофф, в Америке особенно действенны метафоры болезни и здоровья, финансовые и спортивные метафоры, образы отвечающего за порядок полицейского, представление войны как продолжения политики (метафора Карла Клаузевица) и др. В американской ментальности президент — это своего рода наемный служащий, который подписывает контракт с народом-работодателем. А если президент Милошевич или президент Саддам Хусейн нарушают условия контракта, то они — преступники. Для американцев Югославия — это больной организм, который вынуждены лечить натовские доктора, или нарушающий порядок гражданин, которого вынужден призвать к порядку доблестный полицейский Дядя Сэм.

Однако американские метафоры сохранения здоровья, экономической выгоды и справедливого полицейского плохо воспринимаются в России. Такова уж наша национальная ментальность, что о своем здоровье мы начинаем думать, когда его уже не осталось. Мы считаем неприличным говорить об экономической выгоде, особенно если это касается политических связей с «братьями». А уж «справедливый милиционер» — это для значительной части наших соотечественников просто оксюморон.

С другой стороны, в российской политической (и бытовой) метафоре постоянно присутствуют криминальные образы, причем далеко не всегда они имеют негативную окраску. *Разбойник* и даже *бандит* — это у нас едва ли не похвала, а такие слова, как *разборка*, *разводить*, *мочить*, судя по всему, превращаются в обычные термины политической сферы. Очевидно, что такие метафоры совершенно недоступны американскому политическому сознанию.

В некоторых других случаях концептуальные метафоры русских и американцев на первый взгляд очень похожи, но пониманию мешают детали. Примером может служить концептуальная

метафора **ОБЩЕСТВО** — это **ДОМ**. Хорошо известно, что *Дом* — важнейший культурный концепт в человеческом сознании, это традиционный для мировой культуры источник метафорической экспансии. Так, Н. Д. Арутюнова отмечает: «Со времен Маркса стало принято представлять себе общество как некоторое здание, строение... Эта метафора позволяет выделить в обществе базис (фундамент), различные структуры (инфраструктуры, надстройки), несущие опоры, блоки, иерархические лестницы» [Теория метафоры 1990: 14—15]. Подобные метафоры широко распространены и в отечественной политической речи. Приведем несколько примеров:

Фундамент общества — возрождение крестьянства (А. Руцкой); Задумайтесь, какую крышу нам обещает Черномырдин? (Б. Федоров); К экономическому краху и обнищанию мы пришли из-за раскрытых настежь границ. Разве можно говорить о порядке в доме, если нет в доме дверей и замков? (В. Жириновский).

Метафоры данной сферы, как правило, производят впечатлительные убедительности, соответствия изображаемой картины очевидным правилам мироустройства. Рассмотренные выше образы, видимо, относятся к общечеловеческим, но в этой сфере существуют собственно русские метафоры, образы, отражающие именно наше социальное сознание. В современном массовом российском сознании **ДОМ** — это вовсе не деревенская изба или собственный коттедж, а многоэтажное здание со множеством квартир, причем квартиры эти часто бывают коммунальными. Образ коммунальной квартиры оказался удивительно подходящим для метафорического обозначения всевозможных политических конфликтов. Ср.:

И у Косово, и у Чечни есть сходство с коммунальной квартирой.

К жарким баталиям на коммунальной кухне нам не привыкать — хоть со сковородками, хоть с минометами. А что способно решить квартирную проблему? Только расселение. Иначе «соседи» все равно будут лупить сковородками друг друга или «разводящих» (Б. Мурадов); Мир маленький, и в этом сообществе квартир мы должны жить в мире и не гадить друг другу в кастрюли (К. Боровой).

Можно предположить, что в системе американских политических метафор **ДОМ** — это не многоэтажная коммуналка, а жилище для одной семьи, это собственность семьи, ее крепость и вместе с тем показатель солидности, состоятельности. Поэтому российские «коммунальные» метафоры при переводе, ориентированном на американцев, требуют специального лингвокультурологического комментария.

Еще одной чертой современной российской политической метафоры является распространенность монархических образов. Такая метафора в соответствии с национальными традициями представляет главу государства как пользующегося абсолютной властью монарха, «помазанника Божия», а структуру государственной власти — как своего рода феодальную иерархию, в которой существуют не только царь, но и наследник престола, разнообразные феодалы (удельные князья, региональные бароны и др.), императорский двор, свита. Атрибутами государственной власти по-прежнему служат трон, мантия, скипетр и корона. Возможно, у нашего народа до сих пор существует потребность в ниспосланном свыше сильном правителе, который должен быть эталоном совести и высшей справедливости, действовать уверенно и решительно, не обращая внимания на сомнения и формальности.

Показательно, что безграничная власть, возможность постоянно быть на виду, любовь, почитание, поклонение народа сближают президента с образом святого, усиливая эмоциональный эффект, направленный на создание образа «безупречности» и «всемогущества». Президент предстает как *мессия, небожитель, патриарх, помазанник Божий, носитель таинства верховной власти*, чью личность *канонизируют* и чье имя стремятся *не упоминать всуе*. Ср.:

В указе и. о. Президента Владимира Путина нашему ушедшему *«небожителю»* гарантированы царские привилегии (Р. Колчанов); Путин уже фактически глава государства, *носитель таинства верховной власти*, которая всегда вызывала у немалой части россиян чувство священного обожания (В. Никонов); Похоже, что *процесс канонизации личности* и. о. президента вовсю набирает обороты (В. Авербух, Д. Владимиров); Нет смысла преувеличивать мистически-христианские пружины путинского

назначения на рубеже тысячелетий как якобы приход *мессии*, призванного остановить крах православия как глобального фактора (П. Богомолов).

Деятельность святого нет смысла обсуждать, его понимание не всегда доступно простому смертному, в него надо верить, он способен творить чудеса.

В российской традиции обладатель верховной власти представляется как полновластный хозяин страны. Российский президент часто метафорически обозначается как *хозяин*, *барин*, который самовластно управляет государством. Ср.:

То, с какой охотой губернаторы и разномастные партийцы, деятели искусств, истомившиеся в ожидании нового *Хозяина*, припали к руке свежее испеченного кандидата... свидетельствует об одном: Россия так и осталась страной, психологически способной воспринять культ (П. Вощанов); О нем [Ельцине] писали как о *барине-самодуре*, разорившем имение, запутавшемся в долгах, уморившем скот и людей и постоянно меняющем управляющих, на которых он и валил свое банкротство (Р. Медведев).

Ближайшее окружение президента, его помощники номинируются как *бояре*, *аристократия*, *двор*, *придворная свита*, *дворцовый коллектив*, *слуги* и просто как *холуи*. Основное отличие такой системы власти состоит в том, что демократически назначенный министр несет ответственность перед народом и парламентом как выразителем интересов избирателей. Метафора подчеркивает, что в России важнейшие решения принимаются совсем в иных условиях, а главное достоинство приближенного — личная преданность монарху. Ср.:

Назначенный губернатор всегда будет стараться угодить не жителям региона, а *придворной свите*, от которой зависит, останется он на своем посту или нет (Е. Савостьянов); Ельцин раз в году появлялся на людях, окруженный *холуями и придворными*, давая понять, кто царь на Руси (А. Проханов); Фактически и. о. царя страны предлагается собрать *бояр* и по-годуновски долго выпрашивать собственной легитимности (В. Константинов).

Как известно, в Российской империи значительное место в системе власти занимала «императорская фамилия»: *императрица*, *императрица-мать*, *великие князья*, *княгини* и *княжны*. Ближайшие родственники императора часто назначались на важные офи-

циальные должности (что нередко осуждалось противниками режима), но не сама по себе должность (или ее отсутствие) определяла степень влиятельности члена императорской семьи. При чтении современной российской прессы может создаться впечатление, что с тех пор мало что изменилось. Ср.:

Демократический царь создал под себя византийскую систему управления: Двор и Семья «разруливали» ситуацию лучше системы взаимодействия ветвей власти (С. Бабаева, Г. Бовт); Специалисты по коридорам власти в таких случаях советуют обращаться не в правительство, а к *младшей дочери президента*. Это вернее (В. Горунов); Известно, что в Москве, в Кремле все решает «*семья*», и здесь то же. Клан, который сформировал Руцкой (Н. Иванов).

В соответствии с логикой развертывания рассматриваемой модели периферийная политическая элита (руководители субъектов Федерации и др.) может метафорически обозначаться как *удельные князья, региональные бароны, воеводы, феодалы, наместники государя, помещики*. В других контекстах в качестве звеньев феодальной иерархии выступают важные государственные чиновники, руководители крупных компаний, СМИ, банков и иных подобных структур. Ср.:

Путин бьется за диктатуру закона и даже не подозревает, что уральские князьки такой ножичек у него за спиной точат (Ф. Сергеев); Упреки Москвы в адрес воевод-жуликов не выглядят особенно убедительными (М. Ростовский); Я лично с трудом представляю его [Степашина] себе в Совете Федераций среди заседающих там акул-феодалов (В. Крупнов); Гусинский стал первым в России медиабароном (С. Богданов);

При изучении представленного материала становится понятным, почему так легко провести метафорическую параллель между президентом и царем, между свободными гражданами демократической страны и подданными самодержца. Неограниченная власть монарха, осознание своего могущества, отдаленность от народа, неведение или нежелание проникнуться его бедами, проблемами, придворные интриги ассоциируются в нашем сознании с президентскими полномочиями и привилегиями, «закулисной» жизнью в кулуарах власти, зачастую с равнодушным отношением к избирателям. Но в российском нацио-

нальном сознании упорно сохраняется «идеальная» политическая ситуация в монархической стране: к власти приходит разумный, деятельный, осознающий свою ответственность правитель, на которого, видимо, до сих пор уповаet русский народ. Содержащиеся в сознании избирателей представления вербализуются в концептуальной метафоре.

Важно подчеркнуть, что концептуальная политическая метафора отражает национальное сознание и существующие в данной стране представления о структуре государственной власти. В частности, при сопоставлении агитационно-политического дискурса президентских кампаний в Америке и России обращает на себя внимание тот факт, что в средствах массовой информации США интересующая нас метафорическая модель, по существу, не используется. Президент «Нового света» может быть представлен как *commander-in-chief* ‘главнокомандующий’, *prizefighter* ‘боксер-профессионал’, *the leading man* ‘исполнитель главной роли’, *hero* ‘герой’ и т. д. [Каслова 2002, 2003]. Это свидетельствует о том, что в сознании американского народа верховная власть Соединенных Штатов ассоциативно не связана с монархической системой управления. Президент для американцев — это не монарх, святой или полновластный владетель страны, а нанятый народом управляющий, ведущий в бой командир или исполнитель главной роли в политическом спектакле. Таким образом, рассмотренная в данной статье концептуальная метафора является специфичной для российских текстов предвыборной агитации и не представлена ни одним наименованием в американском политическом дискурсе. Однако если речь в американских СМИ заходит о российской президентской кампании, то монархическая метафора оказывается достаточно продуктивной. Для номинации основных кандидатов на пост главы российского государства в современной американской политической речи часто используются следующие метафоры: *a new Russian tsar* ‘новый русский царь’, *an inheritor* ‘наследник’, *the Russian strongman* ‘русский властитель’, *President of all Russia* ‘президент всея Руси’ [Каслова 2002, 2003].

Представленные материалы свидетельствуют, что феодальная сфера занимает важное место среди источников метафорической экспансии в политическом дискурсе современной Рос-

сии, а для ее ведущих фреймов легко находятся аналоги в современной политической действительности. Но подобная метафора в силу известных культурно-исторических причин совершенно нетипична для американского политического дискурса, в котором президент — это не «помазанник Божий», а назначенный народом главный менеджер, предводитель армии или исполнитель ведущей роли в политическом спектакле. Отметим также, что феодальная метафора совершенно нехарактерна и для британского политического дискурса, несмотря на то, что номинальным главой государства является отнюдь не метафорический монарх и образы двора, свиты и королевской семьи также, естественно, не метафорические. Для британского сознания монарх — это символ единства нации, освященный многовековыми традициями.

В целом когнитивно-дискурсивный анализ показывает, что представленные в современном российском политическом дискурсе метафорические модели в одних своих аспектах отражают национальную культуру и национальный менталитет, в других — типичны для «западного» (европейско-американского) культурного пространства, а в третьих — имеют общечеловеческий характер. Эти метафоры, с одной стороны, традиционны, связаны с историей развития российского общества и русского языка, а с другой — тесно связаны с текущей политической ситуацией, погружены в дискурс.

Метафора относится к числу тех феноменов, в которых наиболее ярко проявляется «душа народа», его ментальный мир. Сопоставительное когнитивно-дискурсивное исследование метафорических моделей, используемых в политическом дискурсе различных стран, позволяет точнее разграничить национальные и общечеловеческие черты метафорического мышления, дифференцировать феномены, связанные с языком, на котором создается текст, и явления, зависящие от национальной ментальности, социально-исторических факторов и конкретной политической ситуации.

Литература

Апресян Р.Г. Метанормативное содержание принципов справедливой войны // Полис, 2002, № 3.

Арутюнова Н. Д. Введение // Теория метафоры: Сб./ Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. - М., 1990.

Каслова А.А. Монархическая метафора в дискурсе российских президентских выборов // Эстетические и лингвистические аспекты анализа текста и речи. - Соликамск, 2002.

Каслова А.А. Метафорическое моделирование в политическом нарративе «Федеральные выборы» в США и России (2000 г.). Автореф... дис. канд. филол. наук. - Екатеринбург, 2003.

Паршин П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. - М., 2001.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. - Екатеринбург, 2003.

Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Galf // D.Yallet (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. - Honolulu, 1991.

©Чудинов А.П., 2004